

The background of the book cover is a dramatic, painterly illustration. The upper portion shows a chaotic battle scene with soldiers on horseback, some on foot, amidst smoke and fire. The lower portion depicts a dark, stormy sea with turbulent waves and a small, dark boat or structure struggling against the water. The overall color palette is dark and moody, with highlights of blue, green, and yellow.

Вячеслав Губанов

Родственная
душа

18+

Вячеслав Михайлович Губанов

Родственная душа.

Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28512496
SelfPub; 2021*

Аннотация

Загадочная русская душа... Так говорят о нас иностранцы... А знаем ли мы сами свою душу? И в чём её загадочность? Может быть, вся наша загадочность объясняется природной нелюбовью к законам? Тогда что такое закон? Для «цивилизованных» наций закон – это то, как предписано поступать. Для русского человека закон – это то, как он поступает на самом деле. Ведь многие законы пишут люди, которые считают нас дикими, и по этим законам нам предписано или погибнуть, или стать рабами. А мы, вопреки этим законам, не только выживаем, но и становимся сильнее. Мы такие, что сами себе порой удивляемся. Может, нам стоит узнать самих себя поближе?

Содержание

Русским закон не писан	4
Бить и быть любимыми	15
Родственная душа	24
Ё-тва	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вячеслав Губанов

Родственная душа.

Сборник рассказов

Русским закон не писан

В середине октября 2006 года в Санкт-Петербурге была чудесная солнечная погода.

Туристы из Англии Питер Мосс и Пол Спенсер стояли на палубе теплохода «Федор Достоевский», пришвартованного к бетонному пирсу возле Речного вокзала на правом берегу Невы. В октябре количество круизов на Валаам, Кизи и другие достопримечательности резко уменьшалось, поэтому теплоходы, стоявшие у причала, использовались в качестве гостиниц. Им обоим было за пятьдесят, и оба они впервые приехали в Россию, знакомство с которой начали с Санкт-Петербурга.

Питер и Пол недавно пообедали в ресторане теплохода и теперь, опершись локтями о деревянный планширь фальшборта и щурясь от осеннего солнца, светившего им в лица, любовались панорамой левого берега. Прямо перед ними текла широкая и быстрая Нева, над ней возвышалась белая громада вантового моста, а рядом с ним строился второй

мост, точно такой же. В голубом небе над мостами неторопливо плыли легкие белые облака, ярко освещенные солнцем, и туристы невольно улыбались при виде этой жизнерадостной картины.

И лишь холодный северный ветер, поднимающий высокие волны в Неве, нарушал гармонию. Питер и Пол были тепло одеты, но ветер загонял холодный воздух под куртки, и они, несмотря на яркое солнце и недавний сытный обед, начали замерзать.

Уходить им не хотелось – останавливало непривычное для их родных мест слишком контрастное сочетание яркого солнца и холода. В Англии они не могли испытать подобных ощущений. Весной и осенью там было довольно тепло, летом было жарко, зимой, как и положено, было холодно и сыро, но если появлялось солнце, то, несмотря на зиму, сразу становилось тепло. Их погоду определяли Солнце и теплый, влажный Гольфстрим. Здесь же, в Санкт-Петербурге, Солнце словно было лишено своих законных прав, и погоду определял Северный полюс, близкое недружелюбное дыхание которого Питер и Пол сейчас ощущали на себе. И они, шурясь от яркого солнца, терпели холодный ветер, стараясь навсегда запомнить это необычное, суровое сочетание, являющееся неотъемлемой частью общего впечатления от великолепного города, которое они увезут с собой.

Питер медленно перевел взгляд по течению Невы и увидел, что навстречу течению, борясь с ветром и волнами, плы-

вет моторная лодка. В ней он разглядел троих мужчин. Один мужчина в синей теплой куртке сидел на носу лодки и смотрел вперед, другой в такой же синей куртке сидел на корме и управлял мотором, а в центре лодки стоял во весь рост мужчина в ярко-красной куртке. Питер тронул Пола за плечо:

– Пол, смотри! – и показал на лодку.

Пол повернул голову, увидел лодку и тоже стал следить за ней. «Интересно, куда они плывут?» – подумал он, и в это время мужчина в красной куртке вытянул руку вперед, показывая кормчему, куда надо направить лодку.

Пол перевел взгляд левее и увидел, что навстречу лодке, увлекаемый течением реки, медленно плывёт какой-то предмет серого цвета, похожий на шар. Он то исчезал среди волн, то снова появлялся на поверхности, и расстояние между ним и лодкой медленно сокращалось.

– Питер, как ты думаешь, что это такое? – спросил он у своего товарища, показывая рукой на шар. – Может, это буй сорвало, и они хотят его выловить?

Питер пристально посмотрел на шар, но тоже не смог определить, что это могло быть, и лишь пожал плечами. Они стали вместе наблюдать за этим загадочным предметом, который теперь занимал всё их внимание. В нём было что-то необычное.

Спустя несколько минут лодка приблизилась к шару, мужчина, сидевший на корме, выключил мотор, и лодка стала медленно дрейфовать по течению в нескольких метрах от

шара. Мужчины в синих куртках взяли весла и стали грести, стараясь приблизиться к нему. Когда расстояние между ними сократилось, человек на носу встал во весь рост и начал подтягивать шар к лодке своим веслом. Наконец, все трое дружно перегнулись через борт и резким рывком втащили в лодку что-то длинное и мокрое. В воздухе мелькнуло нечто, напоминающее человеческую руку, обдав всех троих сверкнувшими на солнце брызгами...

Питер мгновенно вспомнил, как однажды, очень давно, отдыхая на море, он стал свидетелем катастрофы военного учебно-тренировочного самолета. Он упал недалеко от берега, пилот попытался катапультироваться уже после того, как самолет врезался в воду, и сразу погиб. Питер наблюдал с берега, как спасатели, схватив за мокрый комбинезон тело погибшего пилота, затаскивали его в лодку, как мелькнула в воздухе безжизненная рука, обдав людей в лодке брызгами...

– Боже мой, Пол, да это же утопленник! – воскликнул Питер.

– Да, я тоже так думаю, – подтвердил Пол. – Кому-то очень-очень не повезло...

Питер кивнул головой, и они продолжили наблюдать за лодкой. Но настроение уже было безнадежно испорчено.

Человек, сидевший на корме лодки, завел мотор и направил её к правому берегу. Она проплыла примерно в ста ярдах от носа теплохода «Федор Достоевский», и, прежде чем она скрылась за бетонным пирсом, у которого не было теп-

лоходов, Питер и Пол успели разглядеть на дне лодки что-то серое и неподвижное.

Берег Невы в том месте, где причалила лодка, был пологий и не очень высокий, и через несколько минут из-за пирса на берег поднялся мужчина в синей куртке и побежал в здание порта.

– Неужели они собираются «его» спасти? – насмешливо спросил Питер, которому очень не хотелось произносить слово «утопленник», и Пол в ответ только криво усмехнулся.

Из здания порта мужчина в синей куртке вышел в сопровождении милиционера, и они вместе, уже не спеша, направились к тому месту, где причалила лодка. Подойдя к берегу, милиционер спустился вниз, а мужчина в синей куртке остался на пирсе и закурил.

Из здания порта вышли еще два человека и тоже неспешно направились к берегу. Они остановились на пирсе рядом с мужчиной в синей куртке, тоже закурили, и все трое стали смотреть вниз, разговаривая между собой.

Через несколько минут милиционер поднялся наверх и тоже закурил. Покурив, он достал мобильный телефон и стал звонить. Всё делалось неторопливо, словно спешить уже не имело никакого смысла.

– Я был прав: спасти уже некого, если они не торопятся, – сказал Питер.

– Конечно! Это сразу было понятно, – ответил Пол. – Выжить в такой холодной воде невозможно, даже если человек

находится в ней всего несколько минут! Когда я служил во флоте Ее Величества, мне довелось участвовать в эксперименте: ученые испытывали нас на выживаемость в холодной воде. Я погрузился до плеч в бочку с ледяной водой, через пять минут меня стала трясти сильная дрожь, а ещё через несколько минут мышечный спазм парализовал мою грудь, и я стал задыхаться. Я уже не говорю о том, что перестал чувствовать руки и ноги. Когда меня вытащили, я очень долго не мог согреться, потому что холод пронизал всё моё тело... А «он» болтался в воде неизвестно сколько... Нет, это верная смерть! Так что можешь не сомневаться – они выловили покойника.

– Да, да... – задумчиво отозвался Питер.

– Я пойду, выпью горячего кофе, а то совсем замёрз! – сказал Пол, заметив, что его плечи трясутся, как будто он снова участвует в эксперименте на выживаемость в холодной воде.

– Да, я тоже погреюсь, – ответил Питер. – Закажи и мне кофе, я сейчас приду.

Пол ушел, а Питер продолжил наблюдение за людьми на пирсе, хотя тоже сильно замёрз. Он решил: уж если он стал свидетелем необычного происшествия, которое можно смело добавить в копилку общих впечатлений от пребывания в этом удивительном городе, то должен окончательно убедиться в том, что человек погиб. При этом он испытывал противоречивые чувства. Он злился на русских, которые всё дела-

ли очень медленно, заставляя его мерзнуть, и хотел скорее увидеть труп, чтобы, рассказывая об этом дома, быть уверенным в том, что говорит правду. И в то же время Питер боялся этого зрелища. Он попытался представить, как выглядит покойник, но в его воображении снова появилась безжизненная мокрая рука в комбинезоне, с которой прямо в него летят брызги...

Питер вздрогнул и выпрямился, собираясь уходить, но увидел, что к милиционеру и нескольким зевакам на пирсе медленно приближается врач в белом халате и с папкой под мышкой.

«Если врач идёт к пациенту не спеша, да ещё не с чемоданчиком, в котором должны лежать необходимые инструменты, а с папкой, то с таким пациентом всё ясно!» – подумал Питер, пытаясь найти веское оправдание для того, чтобы, наконец, уйти с этого холода... Да, но ведь это всё догадки, а он так и не увидел тела, и это лишало его покоя, потому что он во всём любил законченность. Это была главная черта его характера. Как говорится: «Нет тела – нет преступления!» Значит, и дома не о чем рассказывать! А ему очень хотелось рассказать об этой трагедии, которая, несомненно, в глазах родственников и знакомых придаст больший вес его путешествию в загадочную Россию. Появление врача добавило ему решимости, и он готов был помёрзнуть ещё немного, чтобы поставить точку в вопросе, который его очень волновал.

Врач побеседовал с милиционером и спустился к воде. Минут через десять в ворота порта въехал белый микроавтобус с красными крестами и медленно, даже, как показалось Питеру, торжественно, направился к группе людей, стоявших на пирсе.

«Ну, всё, это финал! Теперь можно уходить: покойнику уже всё равно, а вот я могу простудиться! – решил окончательно замерзший Питер и двинулся в корму теплохода, где был ресторан, но, сделав несколько шагов, остановился: – Стоп! А почему приехала карета скорой помощи, если на берегу покойник?.. Непонятно... – Но тут же пришла спасительная мысль: – Хотя, у русских всё возможно... Может, они и покойников возят в каретах скорой помощи? Это уже интересно! Надо рассказать об этом Полу».

Питер бросил последний взгляд на пирс – и вздрогнул: на высокий берег, опустив большую круглую бритую голову, похожую на шар, и с трудом передвигая ноги, медленно поднимался молодой человек в мокрой футболке и мокрых брюках, а двое мужчин в синих куртках поддерживали его под руки. Когда он поднялся на пирс, мужчины бережно посадили его на бетонный парапет.

Питер испытал лёгкое головокружение, словно он мгновенно перенёсся в какой-то иной, совершенно незнакомый мир. Чтобы избавиться от наваждения, он перевёл взгляд на Неву, а через несколько мгновений снова посмотрел на пирс. Ошибки не было: на парапете сидел, хоть и смертельно

уоставший, но всё-таки живой человек!

Из кареты скорой помощи вышла женщина в белом халате и стала совать под нос молодому человеку смоченную каким-то раствором ватку. Он дергал головой, стараясь отвернуться от ватки, водил широкими плечами, словно пытаясь защититься ими вместо обессиленных рук, а потом, собравшись с силами, начал стягивать с себя футболку. Ему помогли, потому что руки плохо слушались его, и он теперь сидел с голым торсом, демонстрируя посиневшее от холода плотное тело.

Питер опомнился и бросился в ресторан.

Пол допивал кофе, когда увидел, как в ресторан вбежал запыхавшийся Питер с выпученными глазами.

– Что случилось, мы тоже тонем? – испуганно вскрикнул Пол и вскочил.

– Пол!.. Там... – кричал Питер, показывая рукой в сторону носа теплохода. – Скорее, а то его увезут!

– Кого?

– Утопленника!

– Ну и пусть увозят, – облегчённо вздохнул Пол и снова сел за стол.

– Он живой, Пол!

– Живой?

– Живой, живой! Быстрее, а то его сейчас увезут! – тара-

торил Питер и тащил Пола в нос теплохода.

Когда они прибежали, молодой человек по-прежнему сидел на бетонном парапете с голым торсом. Он периодически тяжело вздыхал, поднимая и снова опуская на грудь свою большую голову, и что-то рассказывал женщине в белом халате, медленно, с усилием размахивая руками. Было видно, что ему всё ещё очень плохо.

Пол невольно подался вперед, чтобы лучше рассмотреть молодого человека, случайно дотронулся до металлического борта теплохода и резко отдернул руку: металл сильно остыл на холоде, и после тёплого помещения ресторана и горячего кофе ему показалось, что он прикоснулся к куску льда.

– Питер, как он может сидеть на холодном бетоне, да ещё с голым торсом? Он же простудится! – спросил изумлённый Пол, и его глаза стали такими же выпученными, как у Питера, который мотал головой и повторял:

– Этого не может быть! Этого не может быть! По всем законам природы он должен был замёрзнуть и пойти ко дну!

– Значит, русским закон не писан! – ответил Пол, отогревая руку дыханием.

Ещё минут десять они вынуждены были наблюдать, как молодой человек с голым торсом, обдуваемым холодным ветром, сидит на бетонном парапете, и для них это стало серьезным испытанием.

– Когда же его увезут? – нервничал Пол, который никак не мог избавиться от ощущения холода, испытанного им от

прикосновения к металлу. – Ведь очень холодно! Надо скорее ехать, а они не торопятся!

Наконец, словно услышав его слова, молодой человек самостоятельно встал на ноги. Из машины для него вытащили носилки, но он вяло оттолкнул их и сам полез в машину. Двое в синих куртках лишь немного помогли ему, и он скрылся в машине, которая тут же тронулась и медленно поехала к воротам.

Питер и Пол постояли ещё несколько минут, наблюдая, как машина выезжает с территории порта.

– Да-а, эти русские никуда не торопятся... – сказал Питер Мосс, медленно качая головой.

– В том числе умирать... – добавил Пол Спенсер.

Бить и быть любимыми

В конце февраля 2006 года Алексей зашёл на почту, чтобы отправить поздравительную открытку к 8 Марта своей сестре и племянницам на Украину. До праздника было ещё много времени, но почта из Санкт-Петербурга на Украину шла не меньше двух недель, поэтому поздравительные открытки приходилось посылать заранее.

Алексей купил открытку с конвертом и сел за стол посреди небольшого помещения почтового отделения. Он редко бывал здесь, поэтому, размышляя над текстом поздравления, ради интереса стал рассеянным взглядом рассматривать посетителей почты.

В помещении было не более десятка человек, которые, в основном, стояли возле окошка с надписью: «Прием и выдача ценных писем, бандеролей, мелких пакетов, посылок». Две пожилые женщины стояли возле окошка, где производилась выплата пенсий, пособий и социальных услуг, и один мужчина – возле окошка приема и оплата почтовых и электронных переводов. Все разговаривали вполголоса, ничто не мешало Алексею заняться сочинением праздничных пожеланий своим родственницам. Он раскрыл открытку и написал: «Дорогие Света, Инесса и Юлия!»

Отлично! Начало положено, дальше пойдёт уже легче. Алексей поднял глаза к потолку и задумался.

Дверь почты резко открылась, и в помещение, впус­тив с улицы клубы морозного воздуха, стремительно вошла молодая женщина броской наружности. Она была высокая и стройная; у нее были густые русые волосы, уложенные в эффектную высокую прическу; её лицо покрывал ровный загар, непривычный для разгара зимы. Профессионально нанесённый макияж подчёркивал карие глаза женщины, а полные, рельефные губы выгодно контрастировали с удлинённым лицом и прямой линией носа. На ней была короткая мутоновая шубка – не просто оригинального, а эксклюзивного по­кроя, длинная юбка из толстой материи имела по бокам разрезы выше колен, которые при ходьбе распахивались и обнажали длинные ноги. Модные сапоги с высокими каблуками делали стройную фигуру женщины более изящной.

Алексей невольно залюбовался незнакомкой, забыв о том, что ему надо сочинять текст открытки.

Войдя в помещение почты, Вероника сразу заметила симпатичного молодого мужчину в стильном черном пальто, сидящего в задумчивости за столом, и интуитивно почувствовала, что ей надо каким-то образом обратить на себя внимание этого мужчины. После развода эта потребность начала проявляться в ней всё чаще, она стала её привычкой. В сво-

ей внешности Вероника была уверена, потому что без красивой причёски и тщательно нанесённого макияжа не позволяла себе даже на мгновение выходить за пределы своей квартиры, и по восхищённому взгляду мужчины она поняла, что произвела на него должное впечатление.

Она быстро окинула оценивающим взглядом людей, находившихся на почте, и поняла, что среди женщин нет ни одной, способной оказать ей конкуренцию своей внешностью: здесь были только женщины среднего возраста и пенсионерки. Это порадовало, но этого было мало. Вероника подошла к окошку для выплаты пенсий, пособий и социальных услуг. Оно было закрыто, а за стеклом лежала табличка с надписью: «Перерыв». Она села на стул с другой стороны стола, за которым сидел мужчина, положила ногу на ногу, достала из сумочки мобильный телефон и позвонила подруге:

– Привет, Лена!

– Привет, Вероника! – ответила подруга. – Как ты?

Голос незнакомки вернул Алексея к действительности. Поняв, что уже несколько минут с глупым видом откровенно рассматривает её, он виновато опустил голову и принялся сочинять поздравление. Эта женщина своим появлением произвела на него такое сильное впечатление, что ему хватило нескольких секунд, чтобы найти нужные слова для сестры и племянниц, и он стал писать, тактично стараясь не слу-

шать, о чём говорила по телефону соседка по столу.

«Поздравляю вас с праздником всех женщин – 8 Марта! Желаю вам всегда сохранять красоту, очарование, достоинство, ко всему подходить творчески, с выдумкой, а на жизнь смотреть легко и просто, чтобы ваши лица не портили морщины от тяжёлых дум...» – написал он слова, которые быстро и без напряжения родились в его голове.

Но вскоре Алексей понял, что лёгкость, с которой он сочинил первые строчки, внезапно исчезла, и ему приходится с огромным трудом придумывать каждое новое слово, потому что телефонный разговор незнакомки мешал ему сосредоточиться. У неё оказался низкий, почти мужской, голос, и, хоть она старалась говорить негромко, произносимые ею слова, словно гвозди, вбивались в сознание Алексея невидимым молотком, вызывая у него раздражение оттого, что он помимо своей воли вынужден был слышать всё, что она говорила.

– Ой, лучше не спрашивай! – увлечённо говорила Вероника своей подруге. – Я в совершенном трансе: он говорит, что деньги будут 28-го числа, а до этого времени что хочешь, то и делай – хоть иди на Неву и собирай камни! Представляешь?

– Ну и дела!

– Я в полном смятении. Я ничем заниматься не могу, ме-

ня всю трясет, понимаешь? Меня просто колотит! Я сказала ему, что ославлю его на весь город. Приду на одну его работу, и на другую, и везде всё расскажу. Он тут указывает мне на мою шубу, а я ему говорю, что это я покупаю на свои, заработанные деньги, а не как он, альтруист, за наш счет. Он, видите ли, не может раньше 28-го числа... Для кого-то может, а для меня, значит, не может! Мне ребёнка не на что кормить, а ему хоть бы что! А у меня сплошное невезение кругом. Вот сейчас сижу на почте. Все окна работают, а то, которое мне нужно, не работает! Представляешь? Думала, может, хоть здесь что-нибудь получу.

Алексей призвал на помощь всю свою волю и продолжил писать: «Я желаю вам любить и быть любимыми...» И тут он увидел, что пишет уже не на открытке, а на белой пластиковой поверхности стола: стараясь противостоять напору эмоций сидящей рядом женщины, Алексей сконцентрировал всё своё внимание на смысле пожеланий и не заметил, как ручка пересекла границу открытки.

А незнакомка продолжала говорить, её слова лились непрерывным потоком. Она настолько вошла в состояние, которое хотела передать своей мобильной собеседнице, что у неё даже начали стучать зубы, словно она замерзла.

– А как твой ребёнок? – спросила Лена.

– Ребенок? Его сейчас нет, он на олимпиаде. Мы уже дипломанты! – с гордостью сказала Вероника, краем глаза посмотрела на мужчину и увидела, что он прекратил писать. «Ага, подействовало!» – обрадовалась она.

– Какие вы молодцы! – сказала Лена.

– Да, стараемся. А как же, один ведь сынок, всё для него. Он у меня один, и мама у него одна. Всё приходится делать самой! Ну, ладно, Лена, звони, не забывай.

Вероника закрыла крышку телефона, положила его в сумочку и незаметно бросила быстрый взгляд на мужчину. Он снова взялся за открытку, а на его лице появилась недовольная гримаса. Надо было действовать более решительно.

Она встала и подошла к нужному окошку.

Алексей, виновато прикрыв открыткой нечаянную надпись на казенном столе, решил, что надо писать, сосредоточив внимание на каждом слове, и продолжил: «...обворожительными, неповторимыми, единственными...» – но и это не помогло. Он начинал писать слово, а окончание его уже не помнил. Продолжать было бессмысленно. Он прекратил писать и посмотрел в спину нарушительницы его покоя.

– Скажите, надолго у них перерыв? – спросила Вероника

у одной из женщин, терпеливо стоявших возле окошка.

Женщина в ответ пожала плечами. Веронику это не устраивало, потому что она чувствовала на себе взгляд понравившегося ей мужчины, и этот взгляд требовал от нее более решительных действий. Она подошла к очереди в соседнее окошко.

– Скажите, как долго будет закрыто это окно? – громко спросила Вероника через головы людей и вопросительно посмотрела на молодую служащую почты, которая сосредоточенно заполняла какой-то бланк. – Может, нам вообще нет смысла здесь стоять?

Низкий голос Вероники неожиданно стал резким и капризным, словно готов был в любой момент сорваться на визг, и девушка в окошке вынуждена была отвлечься от своего занятия и ответить ей:

– Это технический перерыв, сейчас откроют.

Вероника вернулась к своему окошку, и через несколько секунд оно открылось. Вероника была довольна: у неё всё получилось, она продемонстрировала себя в полном блеске.

Алексею оставалось написать последнее, но, пожалуй, самое важное пожелание: «Самое главное – я желаю вам всегда оставаться женственными». Он начал писать, но тут же остановился. Он понял: здесь, в этом помещении, и в том состоянии, в котором он находится, не сможет написать слово

«женственными». Если он напишет это слово сейчас, то оно навсегда лишится смысла, который он хотел в него вложить, идя на почту. Более того, за несколько минут, проведённых здесь, он успел усомниться в том, что образ женственности, который был создан в его воображении, будет устраивать его в дальнейшем. Что-то подсказывало ему, что с сегодняшнего дня придётся серьёзно задуматься о том, какие качества он хотел бы называть женственными. И только потом, когда он разберётся со своим представлением о женственности, он сможет пожелать своей сестре и своим племянницам быть женственными.

С нетерпением дождавшись своей очереди, Вероника спросила требовательным тоном:

– Я тут подавала заявление – не помню, как это называется точно, – кажется, субсидия на квартплату, что ли... Посмотрите, не приходила?

Служащая почты посмотрела картотеку и ответила:

– За февраль ещё ничего не было.

– А когда это всё будет? – спросила Вероника тем же требовательным голосом, чтобы бездельники не возомнили, что с ней можно обращаться так же, как со всеми этими опустившимися домохозяйками и пенсионерками.

– Не знаю. Когда перечислят – тогда и будут. От нас это не зависит.

– Я ещё пойду в СОБЕС и буду там разбираться, почему они переадресовали на почту, если я в заявлении указала банк!

– Так, может, Вам надо в банк? – спросила служащая.

– Меня из банка послали сюда. Ладно, я ещё разберусь! – сказала Вероника, отошла от окошка и победно взглянула на стол, за которым сидел мужчина.

Мужчины уже не было, а на столе, на том месте, где он сидел, осталась странная надпись: «...бить и быть любимыми».

Родственная душа

Поехала Надежда Степановна в магазин художественных товаров, что на Сердобольской улице, а номер дома позабыла. И вроде бы внимательно слушала она, как преподаватель на курсах «Декоративная роспись по дереву» называла адрес магазина... А всё равно никак не могла вспомнить номер дома. Сдавалось ей, что это дом 28, но не было такого дома на чётной стороне Сердобольской улицы. Дом 26 был, а дома 28 не было! А может, ей вовсе и не дом 28 нужен?

Да и сама улица странная: не прямая, как все нормальные улицы, а на одном из перекрестков уходит под углом, образуя с другой улицей что-то вроде латинской буквы «Y», – поди ж ты, угадай, где какая... Да к тому же ещё и задумалась не вовремя... Вот и не заметила Надежда Степановна, как снова очутилась на Торжковской улице, с которой начала поиски художественного магазина, как ей посоветовала преподавательница курсов: выйти из метро «Черная речка» и идти по Торжковской улице до пересечения с Сердобольской улицей. Вернулась она назад, вышла снова на Сердобольскую улицу. А улица дли-и-нная, конца ей не видно!

Ох, устала пенсионерка, сил больше нет бродить по Выборгской стороне и искать неизвестно что! А на улице-то зима: холодно, кругом снег, под ногами лёд.

Перешла она на другую сторону Сердобольской улицы,

где было больше домов, и пошла по ней. Шла, шла... И очутилась на Белоостровской улице. Обернулась она и увидела, что снова не туда пошла на злополучном перекрестке наподобие буквы «Y»: всё больше под ноги смотрела, чтобы не поскользнуться, номера домов читала да свой магазин художественный высматривала.

Видит она, что дело плохо, и решила позвонить своей знакомой, которая тоже учится на этих курсах: может, она запомнила номер дома? Достала мобильный телефон, набрала номер, а ей никто не отвечает. Долго ждала она, что знакомая ответит, но не дождалась. Совсем растерялась Надежда Степановна.

Решила она спросить у добрых людей, где художественный магазин находится. Одного остановила, другого, третьего – все только плечами пожимают, не знает никто такого магазина.

«Да-а, не тянется народ к искусству, никому сейчас не нужны художественные товары! Капитализм обязывает: все думают о том, как бы больше денег заработать, – приуныла Надежда Степановна. – Хоть бы одну родственную душу встретить! Обстоятельства лишь сталкивают людей друг с другом, а сближает их родство душ».

Подумала она так, и вдруг видит приятную молодую женщину с мальчишком примерно такого же возраста, как и внучка Надежды Степановны – второклассница Ксюша.

«Может, она знает?» – подумала Надежда Степановна и

подошла к женщине.

– Извините, Бога ради, может, Вы мне поможете? Я ищу магазин художественных товаров...

– Я знаю, где этот магазин! – неожиданно ответил мальчик вместо мамы. – Это очень хороший магазин, туда со всего города приезжают. Я тоже им пользуюсь. Рядом с этим магазином Завод художественных красок.

Обрадовалась Надежда Степановна и стала внимательно слушать, как мальчик объясняет ей дорогу:

– Вам сейчас надо вернуться назад по Белоостровской улице во-о-н до того светофора, – и показал рукой.

Обернулась Надежда Степановна, посмотрела, куда мальчик показывает рукой, и кивнула согласно.

Мама мальчика в это время стояла рядом и не вмешивалась в их разговор.

– На этом светофоре Вы перейдёте улицу и окажетесь напротив улицы Графова. Пойдёте по этой улице до пересечения с Лисичанской улицей и повернёте налево. По Лисичанской улице Вы уже дойдёте до Сердобольской улицы и повернёте направо. Там и увидите магазин, он недалеко от перекрестка. Называется «Нева».

Поблагодарила Надежда Степановна мальчика и пошла, стараясь не забыть, что он ей говорил, и не запутаться в названиях улиц. Вдруг слышит, кто-то кричит. Оборачивается она и видит, что мальчик стоит на том же месте и машет ей рукой, показывая на другую сторону улицы, а мама тер-

пеливо стоит рядом. Огляделась она и поняла, что прошла светофор. Кивнула она мальчику, вернулась к светофору и перешла на другую сторону улицы. Тут же она увидела улицу Графова и пошла по ней, а по дороге стала с благодарностью думать о мальчике: «Надо же, по возрасту такой же, как моя внучка, а до чего рассудительный! И мама у него хорошая». Шла она, шла, дошла до перекрестка, повернула направо, как сказал мальчик... И очутилась в Вазаском переулке, который пересекала какая-то улица.

«Эх, опять что-то перепутала! – стала сокрушаться Надежда Степановна. – Надо было переспросить, уточнить, а я постеснялась, стыдно стало, что маленький мальчик дорогу мне объясняет!»

Но делать нечего, надо снова обращаться за помощью. Встретила она прохожего, но про магазин художественный уже не стала упоминать, спросила лишь, как дойти до Сердобольской улицы, и он ответил, что ей надо идти по Лисичанской улице (и прохожий показал на улицу, пересекавшую Вазаский переулок) до пересечения с первой улицей. Это и будет Сердобольская улица.

«Лисичанская улица! – обрадовалась Надежда Степановна. – Это же про неё мальчик говорил».

И пошла она по этой улице. Подходит к перекрестку и вдруг видит, что там стоит знакомый мальчик и ждёт её.

– Зачем же Вы повернули раньше? – укоризненно спросил он. – Ведь я сказал Вам, чтобы Вы шли до пересечения улицы

Графова с Лисичанской улицей.

– А я увидела большой дом поперек улицы, и подумала, что это перекресток... А название улицы и не посмотрела, – стала оправдываться Надежда Степановна. – А как же ты здесь оказался? Тебе тоже надо в этот магазин?

– Нет, – ответил мальчик. – Я увидел, что Вы снова пошли не туда, и решил Вас найти и довести до магазина.

– А где же мама? – оглянулась по сторонам Надежда Степановна.

– Мама осталась меня ждать на Белоостровской улице.

– Какой же ты лапушка! – всплеснула руками Надежда Степановна.

– Пойдёмте, я Вас доведу, тут уже немного осталось, – сказал мальчик. – А то Вы без меня снова заблудитесь.

Довел он её до магазина, до которого было уже рукой подать, и сказал:

– Вот он – магазин! – потом показал на ведущие в него три ступеньки и добавил: – Осторожно, здесь скользкие ступеньки.

– Спасибо тебе, мальчик! Спасибо, родненький! – сказала растроганная Надежда Степановна вслед мальчику, который уже бежал к маме. – Родственная душа!

Ё-тва

Нина Михайловна болезненно переживала свой выход на пенсию осенью 2005 года. Особенно её смущала убийственная официальная формулировка: «Выход на пенсию по старости», которая означала, что она перешла некий рубеж, за которым её активная жизнь отныне закончена, всё самое лучшее осталось в прошлом, и впереди нет ничего светлого и радостного. Старость в её сознании прочно ассоциировалась с опустившимися старухами, сидевшими на лавочке возле подъезда её дома, главным занятием которых были сплетни и обсуждение бесконечных телевизионных сериалов. Нина Михайловна выглядела молодожаво для своих лет, на здоровье не жаловалась, продолжала активно работать, и у неё даже мыслей не было уходить с любимой, хоть и нервной, учительской работы. Но теперь каждый рабочий день напоминал ей о том, что всё это когда-нибудь закончится навсегда, и тогда неизбежно возникнет вопрос: как ей жить на 2300 рублей пенсии, которые ей начислили летом, когда она, за два месяца до наступления пенсионного возраста, впервые посетила районное отделение Пенсионного Фонда. Тогда ей подробно объяснили, какие документы необходимо предоставить, поставили на учет, и сегодня, спустя несколько дней после того, как Нина Михайловна «отпраздновала» свой 55-й день рождения, ставший началом отсчета нового этапа в жизни,

она снова ехала Пенсионный Фонд, чтобы отдать недостающие справки о заработной плате.

Нина Михайловна вышла из автобуса, прошла несколько метров, и тут её остановил внешне ничем не примечательный мужчина примерно одного с ней возраста. На нём были тёмные, неопределённого цвета, помятые брюки, тёмная серая болоньевая куртка очень простого покроя, старая вязаная полосатая шапка, а на плече висела изрядно потрепанная сумка. Примерно так выглядит основная масса рабочих, которых она безошибочно определяла в метро по пути на работу и с работы. Они обычно сидят, закрыв глаза и обняв свои замусоленные сумки с бутербродами, и никогда не уступают место женщинам, у которых сумки ничуть не меньше.

Мужчина сказал слабым, жалобным голосом:

– Помогите мне на хлеб!

Нина Михайловна удивлённо посмотрела на него: она никогда не могла смириться с тем, что вполне здоровые на вид мужчины, среди которых порой встречаются довольно молодые, просят милостыню у пожилых женщин. Она поймала себя на словах «пожилые женщины». «Да, теперь я – пожилая женщина, вышедшая на пенсию по старости, – с горечью подумала она, – и к этому надо привыкать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.